

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

БЕСЕДА С БЕРРЕСОМ СКИННЕРОМ

Задолго до того, как стать самым влиятельным психологом в США, Беррес Скиннер примеривался к писательской карьере. Он окончил Гамильтонский колледж со степенью по английской литературе, а затем провел под родительским кровом безрадостный «темный» год в мучительных размышлениях, чем бы занять свою жизнь, и в духовных исканиях, которые некоторые люди назвали бы кризисом самовосприятия.

А потом он открыл для себя бихевиоризм. «Я не рассматривал возможность самоубийства в прямом смысле, — напишет он позже в автобиографии. — Бихевиоризм предложил мне другой выход: крах потерпел не я сам, а моя личная история... Я научился принимать свои ошибки, относя их на счет своей биографии, которая не была плодом моих собственных действий и изменить которую не представлялось возможным»¹.

В общем, он нашел себя, отказавшись от собственного «я». Далее последовали получение ученой степени (PhD) в Гарвардском университете, преподавание в университетах Миннесоты и Индианы, а в 1948 году триумфальное возвращение в альма-матер в Кембридже. В 1983 году, когда я познакомился с ним, он все еще жил там, в модном районе, время

от времени общаясь с такими знаменитостями, как Джулия Чайлд^{*}. Каждый день он подсаживался в машину к кому-нибудь, кому было по пути, и ехал в свой офис в Гарварде на седьмом этаже в корпусе имени Уильяма Джеймса^{**}. Там прямо на стенах были смонтированы электронные схемы, где поминутно что-то щелкало и вспыхивали, а потом гасли красные лампочки. Схемы соединялись электрическими проводами с закрытыми пронумерованными ящиками, в каждом из которых был малюсенький смотровой глазок. В ящиках сидели голуби, и они послушно ударяли клювом по кнопке, чтобы получить еду.

«Я прожил достаточно долго, чтобы приобрести кое-какую репутацию, — сказал мне Скиннер скромно. — За восемьдесят-то лет сподобился». Отстраненно и, словно находя это забавным, он рассказывал, что, куда бы ни направлялся, за ним вечно увязывается толпа народу и у него все время просят автограф. «Не устаю удивляться, когда меня узнаю» т на улице и когда люди приходят послушать меня, — сказал он. — Не понимаю почему. Вот уже почти 30 лет как я собираю на удивление большие аудитории. Но не так уж это меня прельщает. Для меня больше радости с утра пораньше посидеть часика два за столом у себя в кабинете».

Однажды, рассказывал он, к нему на улице подошел человек и спросил, не проповедник ли он. Это сильно позабавило Скиннера, потому что он вообще не верит в Бога. Но тот человек на улице, в сущности, не так уж и ошибался. В определенном смысле Скиннер как раз и *был* проповедником: таков был его темперамент, что он умел обращать в свою «веру», а каждый его труд — это словно бы развернутая проповедь о глупости «ментализма», иными словами, стараний искать объяснение всех наших

^{*} Джулия Чайлд (1912–2004) — американский шеф-повар французской кухни, автор и соавтор книги «Осваивая искусство французской кухни», популярная ведущая на американском телевидении. *Прим. перев.*

^{**} Уильям Джеймс (1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма. Авторами учебных пособий и научных работ часто называется отцом современной психологии. *Прим. перев.*

поступков где угодно, но только не в наблюдаемых типах поведения и подкрепляющих их контингенциях со стороны среды.

В автобиографии он делает выговор каждому своему критику за неумение воспринять его идеи. «Бихевиоризм везде чудовищно извращают, — жаловался он мне. — Меня чудовищно извращают». И тут я начал догадываться, что, как он считает, критика его идей указывает на их неверное истолкование, поскольку это немыслимо, чтобы его теорию верно поняли и... отвергли.

Несмотря на всю твердость его убеждений и славу, я, как и многие другие, кто знал Скиннера долгие годы, находил его обезоруживающе великодушным. Он не пожалел времени, чтобы провести в моем классе беседу, хотя почти не знал меня, а на следующий год стоически вытерпел допрос, который я ему учинил, и притом отвечал гораздо основательнее, чем это требовалось для статьи о его работах, которую я готовил для журнала. На каждый вопрос он отвечал очень учтиво, но при этом так, словно нас разделяет огромная дистанция. Мне показалось, что столь же отстраненно он держался бы и с людьми, которых знает гораздо лучше, чем меня.

Одно качество, которое я подметил в Скиннере, стало для меня откровением, которое снизошло на меня после того, как мы с ним проговорили некоторое время, — оказывается, он был больше технарем и практиком, чем теоретиком. Его страшно занимали вопросы дизайнера, пожалуй, он был прямо-таки одержим ими. Он рассуждал о том, как сложно сконструировать более эффективный слуховой аппарат. За много лет до того он испытал истинное наслаждение, когда изобрел особую конструкцию закрытой детской кроватки для своих тогда еще маленьких дочерей (что сразу вызвало волну злых насмешек, что он засадил дочек в некое подобие скиннеровских ящиков, какие использовались для лабораторных опытов на животных). Он увлекся конструированием «обучающих машин» для детей, предвосхитив появление образовательных компьютерных программ. (Он в той же мере гордился этим достижением: «Я на 30 лет опередил свое время», — в какой горевал, что педагогическое сообщество

не заинтересовалось его идеей.) Он коллекционировал практические предложения на тему, как хоть немного облегчить пожилым людям последние годы жизни, и в конце концов стал одним из авторов книги по самопомощи для пожилых. Он подходил с инженерной меркой даже к вопросу, в какое время удобнее вставать по утрам: сам он поднимался в четыре, что давало ему возможность несколько часов поработать в тишине и спокойствии, пока не начинался ежедневный вал телефонных звонков. А кроме того, он мог наезжать в Англию (где поселилась одна из его дочерей) и сразу же включаться в нормальный деловой режим, ничуть не страдая от смены часовых поясов. Все окружающее Скиннер воспринимал как проблемы, которые ожидают решения, и его самые знаменитые и самые одиозные высказывания становятся понятны, если рассматривать их в этом контексте.

«Проектировать культуру — это все равно что проектировать эксперимент», — однажды написал он.

Вспоминая, как во время Второй мировой войны он обучал голубей наводить управляемые снаряды на цели (что опять-таки принесло ему горькое разочарование, поскольку этот его проект не вызвал достаточного интереса), он загорелся неподдельным воодушевлением: «Подумать только, какая восхитительная вещь! Абсолютный контроль над живым организмом!»

И потому им, вероятно, двигало какое-то иное чувство, чем скромность, когда он в задумчивости произнес: «Не думаю, чтобы я представлял классический образец великого мыслителя или чего-то в этом роде. Я не считаю, что у меня такой уж высокий IQ. Но с тем, что мне дано, я управляюсь очень даже неплохо. Какими-то навыками я просто не владею. По счастью, я связал себя с такой областью, где могу применять умения, какими определенно наделен, по большей части практические».

В другой раз я спросил, что он думает о смерти, а он, пожав плечами, ответил, что вообще не задумывается на этот счет: «Я никогда не раздумываю о смерти и не испытываю страха перед ней. На этот случай я хорошо позаботился о своей семье. Единственное, чего я боюсь, — это что

не смогу закончить свою работу. Мне есть еще многое что сказать... Я не понимаю, *почему* кто-то боится смерти. Люди религиозные, конечно, испытывают страх, потому что совсем не уверены, что не попадут в ад, однако есть ведь и те, кто не верит в Бога, но и им непереносима мысль, что они навсегда исчезнут».

Вера в то, что собственного «я» не существует, сослужившая Скиннеру такую хорошую службу в молодости, в последние годы не меньше помогла ему мириться с перспективой перестать быть: «Теперь я могу все свои ошибки и достижения отнести на счет моей личной истории, и этим я хочу сказать, что, когда меня самого не станет, это ничего ни в малейшей степени не изменит. Поскольку здесь, понимаете ли, нет ничего такого, что имело бы значение. [Если смотреть так] смерти уже не боишься».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ НАШИХ БЕСЕД

[*О том, что поведенческая терапия отвергает бихевиоризм*]: Думаю, это в корне неправильно, но неизбежно. Те, кто находится лицом к лицу с пациентами, клиентами, когда они сидят прямо перед ними, не будут работать с внешними, контролируруемыми переменными. Вместо этого они спросят: «Как вы себя чувствуете?» — и по ответу будут судить о том, что, по всей вероятности, произошло с человеком. Они не станут доискиваться, что случилось на самом деле. И дальше спросят: «Что вы собираетесь делать?» — и не станут тщательно взвешивать потенциальные мотивы поведения.

Вопрос. Но почему? Что это говорит нам о теории?

Ответ. Ну, все это слишком трудно! Их заработок зависит от количества людей, которых они примут, и нельзя ожидать от специалиста большего, чем просто применение поведенческих принципов для истолкования того, что случилось у пациента. Очень легко просто вернуться к идее, что люди совершают те или иные поступки в силу своих чувств, отношений, помыслов. Я хочу определить, в чем корни, но нет смысла заниматься этим, если ты всего лишь консультируешь того, кто пришел к тебе...

Мне представляется, что когнитивный психолог — это такой выскочка. Когнитивисты весьма далеки от практического дела. И тот же психоанализ, хотя это и практика, по сути, тоже лишен практичности. Я не представляю, чтобы психоанализ в нашем мире действительно мог бы справиться с серьезным заболеванием.

В. Тем не менее вас тут окружают одни голуби, а когнитивисты и психоаналитики имеют дело с реальными людьми. Они находятся, как бы это сказать, на переднем крае. Если уж *они* считают, что применять ваш язык и вашу модель непрактично, несподручно или бесполезно, то не свидетельствует ли это об ущербности вашей модели?

О. Нет-нет, ничего подобного. Если бы я взялся поговорить с детьми об астрономии, ночном небе и всяком таком, то не стал бы вдаваться в такие сложности, как Большой взрыв, миллионы световых лет и тому подобное. Я бы говорил с ними о созвездии Большой медведицы.

В. Получается, что беседы с детьми — это примерно то же, что терапевтическое воздействие на пациентов?

О. Да. В общении с обычным клиентом нельзя применять специальные термины. Не станешь же ты нарочно просвещать его об основах бихевиоризма, чтобы затем разговаривать с ним на языке профессиональных терминов. А вот что сделать можно, и, думается, хороший специалист по поведенческой терапии так и делает, так это определить природу проблемы и работать с ней косвенно. На мой взгляд, очень хороший пример — это что мы с доктором Воном сделали в нашей книге *Enjoy Old Age**, где в тексте вообще не встречается слово «поведение». Как нет там и таких слов, как «подкрепление» или «различительный стимул**». Мы

* «Радости зрелого возраста», уже упоминавшаяся выше книга о том, как в старости преодолевать естественную физическую слабость и радоваться жизни. *Прим. перев.*

** Аспект выработки инструментальных (оперантных) условных рефлексов, когда организм получает подкрепление за реакцию при наличии особого стимула. К примеру, голубь может научиться клевать зеленый диск и избегать дисков другого цвета. Для этого экспериментатору следует подкреплять первую реакцию, а все остальные оставлять без внимания. *Прим. ред.*

там вообще не употребляем специальную терминологию, потому что пишем не для тех, кто что-то знает о поведенческой науке. В конце книги, просто чтобы успокоить наших коллег, мы поместили небольшой глоссарий, где объясняем, что имеем в виду, когда пишем «то, что вы любите делать и что делаете с удовольствием». То же самое запросто можно применить и в книге по астрономии. Вы пишете: «Солнце встает», а в сноске поясняете: «Ну, строго говоря, это не так; это Земля поворачивается».

В. Интересно, тот факт, что, когда у нас разговор заходит о людях, мы ловим себя на том, что обращаемся к тем концепциям, не может предполагать, что все это очень реальные вещи?*

О. А я не считаю, будто это предполагает, что все эти вещи реальны. Думаю, это предполагает, что эти вещи непосредственно связаны с делом [Здесь он зачитывает отрывок из своей книги *A Matter of Consequences* («Сущность выводов») со страниц 191–192, где он перевел максимы Ларошфуко на язык бихевиоризма.]

В. И вы удовлетворены, что ваш перевод не упускает ни одного нюанса оригинального текста, разве что придает ему больше точности?

О. Да, и к тому же не низводит оригинал ни до чего другого, понимаете ли... Если ты организм абсолютно бессловесный и если люди в твоём окружении обращаются с тобой одними действиями, не прибегая к словам — ну, например, бьют тебя или любят тебя, — они не станут спрашивать тебя: «Что ты делаешь?» И у тебя никогда не возникнет надобности ни в одном из этих понятий. Ты никогда не будешь копать в себе и спрашивать себя: «Счастлив ли я?» Ты никогда не будешь копать в себе и задаваться вопросом: «Что я намерен делать?»... А будешь ты попросту вести себя как всякий бессловесный организм, и все вот эти соображения когнитивисты даже мельком не затрагивают. Они толкуют о том, что

* По всей видимости, имеются в виду ментальные, субъективные понятия, которые Скиннеру представлялись надуманными объяснениями того или иного поведения, тогда как он считал, что поведение обусловлено внешними причинами. *Прим. перев.*

происходит, когда внешняя среда побуждает индивида рассказывать, что он чувствует или думает. [В каком-либо сообществе] кто-то желает узнать, видишь ли ты вот эту вещь. Ну и тебя спрашивают: «Видишь ли ты это?» Ты и до этого момента видел это самое «это» и, если б захотел, подошел бы или потянулся к этому и тому подобное. Но теперь происходит кое-что еще. Ты *осознаёшь* (замечаешь), что видишь это. Если бы не вопрос, ты бы и не понял этого...

В. Вы все еще не изменили [своей первоначальной] точки зрения на любовь?

О. Мы предрасположены делать одним людям всякие хорошие вещи, а другим — зловредные. Любовь и ненависть представляют собой крайние случаи первого и второго... Предположим, двое познакомились, и один любезен в обращении с другим; это предопределяет ответную любезность, а значит, первый будет еще более склонен обойтись с этим другим мило и приязненно. Так оно и происходит: бумеранг летает туда-сюда, и в какой-то момент эти двое могут достичь точки, когда чрезвычайно расположены приязненно обращаться друг с другом и не причинять друг другу ничего плохого. И, как я полагаю, это-то и называют «быть влюбленным».

В. Если я загляну в себя и, отталкиваясь от своего жизненного опыта, приду к выводу, что любовь и свобода — понятия, глубины которых не затрагиваются анализом с бихевиористских позиций, то не получится ли, что вы фактически просите меня принять на веру адекватность или превосходство вашей модели? Не будет ли эта вера даже выше той, которая призывает меня верить, что Бог есть?

О. Ну, я-то думаю, что это вообще не о вере. Это либо полезно, либо бесполезно. Как я понимаю, физика же не просит вас принять на веру толкование физики высоких энергий и прочего... Это хорошо в той мере, в какой мы в данный момент можем этим воспользоваться.

В. Да, но это имеет отношение ко мне сегодня, сейчас, это не имеет отношения к элементарным частицам или туманностям. Вот вы говорите: «Твое представление о себе неточно, если не сказать совершенно неверно.

Лучше уж поверь моей модели». Тогда объясните, почему это не в точности то же самое, что «Ты думаешь, будто это ты решаешь, что делать, а на самом деле это Бог predetermined твои поступки»? И то и другое противоречит моему опыту.

О. Я бы не сказал, что утверждаю именно это. Я говорю, что мы открыли связи между тем, что делают человек, естественный отбор, история личности, и тем, какой эффект это вызывает в окружающей индивида среде. Если ты понимаешь это, то чаще всего можешь решать личные проблемы, а также создавать условия для решения проблем других людей; я говорю и о преподавании, и о терапии, системах стимулирования, педологии*... Все это построено на строгом научном исследовании, причем ничего хоть отдаленно похожего нет, например, у Фрейда или у кого-нибудь вроде Уильяма Джеймса. Разумеется, их результаты очень правдоподобны. И весьма занятно, пользуясь фрейдизмом, интерпретировать поведение всех и каждого... Идеи Фрейда или Джеймса применять куда проще, поскольку они берут начало в повседневной жизни и их можно запросто снова встроить в нее, тогда как другие идеи пришли из лабораторных исследований и их не так-то просто разглядеть в повседневной жизни. Но если помотришь внимательно, то да, они там есть. И именно так делает свое дело умелый ремесленник, например жестянщик: он гнет металл, пользуется припоем, придает вещам нужную форму... У него есть очень хорошая наука работы по металлу, но по своей сути она не имеет ничего общего с настоящей металлургией или с тем, как действовал бы настоящий инженер-металлург. Ремесленнику проще работать, как он умеет, и было бы огромной ошибкой навязывать ему знания об атомной структуре и растолковывать, почему один металл плавится лучше, чем другой.

В. Однако человек, изучающий химию металлов, например, не отрицает, как это делаете вы, другую реальность. Не пытается же он утверждать, что все это основывается на ложных представлениях...

* Наука о наказаниях и их исполнении. *Прим. ред.*

О. А он эту реальность и не отрицает. Он не спорит, что ее можно обсуждать в иных терминах. Я вот ничуть не против романов, написанных с позиций бытовой ненаучной психологии. На здоровье! Я, например, попробовал перевести несколько пассажиров из Джордж Элиот*. Это невозможно. Взять, например, «чувства» — это такой условный способ рассуждать об историях людей. С друзьями я буду говорить о своих «идеях», «чувствах», «планах» и «намерениях» и прочем в том же роде. Начинаящих бихевиористов обычно очень смущает, когда они употребляют эти слова. Это и меня одно время смущало, но теперь нисколько. И это правда, я совсем не возражаю, когда такие слова в общении с пациентами употребляет социальный работник или терапевт. Думаю, что это, наверное, и есть наилучший способ...

В. А что если кто-то возьмется утверждать, что вся наука в попытках представить правдивую картину реальности может дойти лишь до тех пределов, в каких я, как живое существо, с нею сталкиваюсь?

О. Согласен, принимается.

В. Это что же, пределы науки?

О. Да. [Пауза] Нынешние пределы, они же со временем меняются.

В. Нет, я имею в виду, что науке, как некоторые утверждают, присуще некоторое высокомерие на этот счет. Тому, что она сегодня не в состоянии объяснить, она даст объяснение когда-нибудь в будущем.

О. На это просто указывает история науки, верно? Не то чтобы я хоть на миг решил, что когда-нибудь наука даст полное описание Вселенной. Но не возразишь, что определенный прогресс все же есть.

В. Но определенные свойства, присущие человеку, как утверждают некоторые, все же не аналогичны тем, что есть у металла или даже у голубей. И в этом смысле люди качественно отличаются от предметов, которыми естественные науки...

О. Напоминаю, люди от всего этого отличаются, потому что принадлежат к вербальной общности, что и дает им причины углубляться в свои

* Джордж Элиот, настоящее имя Мэри Энн Эванс (1819–1880) — английская писательница. *Прим. ред.*

чувства. И люди воспринимают свое тело так, как никогда не воспринимают голуби. И это оборачивается большой пользой для других и для них самих. Я этого не отрицаю. Это тоже ведет к развитию науки, математики и прочего.

В. Но люди, если не брать их способность говорить и все отсюда вытекающее, а также бóльшую сложность их организации скорее в количественном, нежели в качественном плане, отличаются от низших организмов?

О. Думаю, что человеческие существа — нечто ничуть не большее, чем представители одного из эволюционировавших видов.

В. Да, но я говорю не об эволюции, не о прошлом. Я подразумеваю, что можно утверждать, что мы скорее эволюционировали, чем были созданы из ничего, и при этом верить, что нынешнее состояние человеческих существ качественно отличается от нынешнего состояния низших организмов.

О. Качественное или количественное — не знаю, но сказал бы, что люди делают то, чего не делают животные. И это связано с появлением оперантного контроля над голосовой мускулатурой, что и сделало возможным вербальное поведение...

В. Вот вы находите ошибочной одну из составляющих в традиционном взгляде на человеческие существа: ту мысль, что мы фактически сами выбираем свое поведение... [Но] когда вы пишете книгу и стараетесь обосновать какую-то свою позицию, это выглядит как бессмысленное телодвижение, потому что вам просто предопределено написать книгу, а мне предопределено прочесть ее, и также предопределено, сочту я ее убедительной или нет. Так не противоречит ли это самой идее написания или прочтения книги или попытке убедить меня в чем-то? Разве вы неявно не обращаетесь ко мне, прося, чтобы я поверил вам, чтобы выбрал вариант поверить вам?

О. Нет, нет. Я уже много раз говорил, что мои крысы и голуби научили меня большому, чем я их. Поведение ученого формируется его предметом изучения, и это непрерывный процесс эволюционного свойства. Не представляю, что все это значит и в какие края нас относит. Откуда появились мы сами, тоже не знаю. Есть вопросы; значимы они или нет,

это само по себе вопрос отдельный. Но мы делаем, что можем, и на этом остановимся.

В. Но вы все же предполагаете, что есть что-то такое неверное во взглядах Хомского*, в концепции жизни, как ее представляет религия, или в психоанализе. Вы же утверждаете, что ваши воззрения в некотором смысле более научны, полезны, и, наконец, когда вы все же проявляете больше благосклонности к людям в вашей книге *Beyond Freedom and Dignity* («По ту сторону свободы и достоинства»), вы впадаете прямо-таки в апокалиптическую риторику, заявляя, что если мы не примем эту позицию и выводы бихевиористского анализа, значит, нам грозят реальные проблемы. Так разве здесь вы не апеллируете к человеку со свободной волей, чтобы он поверил вам и воплотил на практике ваши рекомендации?

О. Нет, я создаю новую среду, которая, как хочется надеяться, заставит людей по-разному действовать в отношении проблем. Терапевт не меняет личность пациента, он добавляет что-то к персональной истории этой личности.

В. Так значит, ваша книга становится частью внешней среды в таком же смысле, как внезапный ливень, который влияет на мое поведение, заставляя меня искать где укрыться.

О. Точно так. Точно так.

В. Когда мы говорим об устройстве совершенно новой среды а-ля «Второй Уолден», как может человек, подобный Фрейзеру**, выйти из контролирующей среды, чтобы контролировать других, или выстроить среду, контролирующую других, если сам он контролируем?

О. Он не контролирует других. Он конструирует мир, который контролирует других.

В. Но как он вообще сможет сделать это, если сам находится под контролем? Не похоже ли, что его на время освободили...

* Ноам Хомский как противник жесткой административной власти раскритиковал книгу в очерке *The Case Against B. F. Skinner* («Дело против Скиннера») (*The New York Review of Books*, December, 30, 1971), утверждая, что идеи Скиннера противоречат демократии.

** Главный герой романа «Второй Уолден».

О. Ну нет же, он всю дорогу выступает специалистом по контролю над собой, а себя контролируешь так, как стал бы это делать с другими. Ты меняешь свою среду, чтобы контролировать себя, и среду других людей, чтобы контролировать их... Во «Втором Уолдене» нет кого-то, кто бы контролировал всех, кого-то, кто раздавал бы конфетки. Существует ряд оформленных договоренностей о количестве часов, но это всего лишь вопрос учета. Вообще же это общество, которое подкрепляет поведение, необходимое, чтобы вращать колеса этого мира.

В. Может и не быть кого-то, кто бы все контролировал, но кто-то все же устроил систему и запустил ее действие, и уж очень это смахивает на деистическую модель Вселенной...

О. Это да, правильно. Вот и человек, который изобрел регулятор для паровых двигателей, уже умер, он не контролирует все в мире паровые двигатели.

В. Да, но зато установлена система причин и следствий, которая управляет поведением людей. Вас уже раз сто спрашивали, чем «Второй Уолден» отличается от антиутопий Оруэлла или Хаксли. Но я до сих пор не уверен, что понял вашу мысль. Я все еще не уверен, что не вижу возможности для тоталитаризма.

О. Ну, можно было бы эту систему сконструировать таким образом, но она была сконструирована так, чтобы этого быть не могло. Проектировщики съехали, снова вызвать их нельзя, а менеджеры — это просто должности, ну и так далее... Вопрос не в том, сможет ли кто-то захватить там власть, а в том, возможно ли в принципе получить такую ситуацию, а если потом она стала бы такой хорошей, что люди защищали бы ее...

В. Позвольте на минуту отвлечься и спросить ваше мнение о ценностных суждениях. Я бы хотел зачитать вам цитату из Бертрана Рассела^{*} и послушать, что вы скажете...

^{*} Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) — британский философ, общественный деятель и математик. Известен своими работами в защиту пацифизма, атеизма, а также либерализма и левых политических течений, внес неоценимый вклад в математическую логику, историю философии и теорию познания. *Прим. ред.*

О. Кстати... [Я как-то встретил Рассела на одном обеде и сказал ему:] «Может, вам будет любопытно узнать, что это вы виноваты в том, что я стал бихевиористом, когда прочитал вашу „Философию“, а он ответил: „Силы небесные! А я-то думал, что своей книгой уничтожил бихевиоризм“. Ну да, так оно и было, да только я той части не прочитал...

В. Вот смотрите, что говорит Рассел: «Я не вижу способа опровергнуть аргументы в пользу субъективности этических ценностей, но я также не в состоянии верить в то, что беспричинная жестокость плоха только потому, что она мне не нравится». [*Скиннер смеивается.*] Стои[†] т ли перед вами та же дилемма, или вы...

О. Ну да, согласен, очевидно, что беспричинная жестокость плоха по двум причинам: в том смысле, что культура, которая мирится с ней, будет слабой. Это имеет отношение к выживанию культуры, а не к тому, что чувствуют люди. Но чтобы предотвратить жестокость, культура учит людей, что это плохо и что они должны испытывать вину за нее. Она наказывает людей за такое поведение, что и рождает у вас осознание, что жестокость — это плохо. Это нечто совершенно иное, чем причина, по которой культура делает все это.

В. Так значит, ценности в каждом случае низводятся до двух вещей: одна — это культурное выживание...

О. Есть три уровня. Существуют ценности, обусловленные естественным отбором: соль была благом и сахар был благом, а теперь мы их не ценим, потому что у нас вдоволь и того и другого. Существуют ценности личного порядка: это то, что служит подкреплением для вас в силу ваших личных причин. И еще существует культура: то, что хорошо для других, то, что она подкрепляет в людях, потому что это благо для культуры и ее выживания, а не просто то, что нравится человеку... Мир, который построен так, что наибольшую часть времени ты делаешь то, что хочешь и что представляет собой позитивно подкрепленное поведение, — это

[†] Скорее всего, имеется в виду книга Рассела *Philosophy and Politics* («Философия и политика»), 1947 год. *Прим. ред.*

мир эффективный. Однако не пристало судить его по этому критерию в долгосрочном плане. Счастье — не конечное благо. Это конечное благо для индивида, но не для общества.

В. Но все это инструментальные использования слова «благо», это то самое, что философы называли бы «имморальным» чувством и никак иначе. Выходит, вы отказываете моральному чувству в праве на существование.

О. Если вы здесь подразумеваете именно моральное «чувство», тогда нам снова следует провести различие: либо это выбор под влиянием последствий, либо это способ его продвигать, непосредственно связанный с применением мер, которые, как говорит сам человек, заставляют его *чувствовать* вину и тому подобное.

В. Давайте рассмотрим гипотетический пример поведения, пусть это будет жертвоприношение девственниц в какой-нибудь первобытной культуре. Этот обычай, давайте сразу оговоримся, не из тех, что не могли бы прижиться в культуре, и носители этой культуры не видят в нем ничего зазорного. А теперь ответьте, можете вы еще что-нибудь сказать об этом обычае, кроме «тьфу, гадость, мне не нравится», как сказали бы, что вам не нравится брокколи?

О. Что я *могу* сказать? Я имею в виду, не зная обстоятельств того времени, того, как это возникло... Поскольку мне неизвестно, какое значение для выживания той культуры мог иметь этот обычай, я не могу сказать, что он в этом смысле плох. Если бы затем я сказал: «Этот обычай был присущ моей культуре, и она научила меня говорить, что он плох, значит, я говорю, что он плох...»

[*О креативности и собственном «я»*]: Когда я закончил писать

«По ту сторону свободы и достоинства», мною владело очень странное чувство, будто это даже не я автор этой книги. Я не в том смысле, в каком люди иногда заявляют, что это не они сами, а их другое «я» пишет за них книги и тому подобное. Я имею в виду, что это естественным образом следует из моего поведения, а не из-за чего-то, что называлось бы «мноим» или моим «я» внутри меня... Человек не творец... не в том смысле, что

не создавались великие книги или великая музыка. Конечно, создавались! И человек в этом очень важен. Вопрос в том, видите ли, что на самом деле происходит, когда происходит акт творчества. Если вы считаете, что Бетховен был человеком, наделенным особого рода гением, что и позволило ему из ничего (на пустом месте) написать девять выдающихся симфоний, значит, вы просто ошибаетесь и мало преуспели бы в амплу учителя музыки. А теперь представим противоположное: вы считаете Бетховена человеком, который в самом юном возрасте напитался всей музыкой своего времени, а затем под впечатлением событий, случившихся лично с ним, несчастий, жизненных сложностей, внес в музыку нечто новое, и это дало столь блестящий результат, что он и дальше продолжал идти этим новым открытым им путем, поскольку получал мощное подкрепление своему сочинительству. Вот это уже совсем другая точка зрения, и Бетховен — да, действительно, великий человек.

В. А вам не приходило в голову, что, возможно, существует некоторая часть человеческого поведения, которую не объяснишь, следуя этой вашей логике?

О. Ну, всегда можно сказать, что, наверное, остается нечто в человеческом поведении, что еще не получило объяснения или не может быть истолковано, но это то же самое, как если бы вы сказали Ньютону, что есть некоторое количество физических тел, не подчиняющихся закону гравитации. Но только где они?

Сэмюэл Батлер*... утверждал, что курица — это всего лишь способ для яйца произвести другое яйцо. Сегодня генетики скажут вам то же самое: организм... — это всего лишь нечто, что временно используется для того, чтобы могли выживать гены. Так вот, я думаю, что все это относится и к культурам. Я написал статью для Поэтического центра Нью-Йорка «Как рождается стихотворение». Я сравнил этот процесс с рождением

* Сэмюэл Батлер (1835–1902) — английский писатель, художник, переводчик, один из классиков викторианской литературы. Его роман *The Way of All Flesh* («Путем всея плоти») включен в список 20 лучших романов Х века. *Прим. перев.*

ребенка. Но читатели невзлюбили мою аналогию, поскольку я сказал, что... мать — это всего лишь способ для оплодотворенной яйцеклетки произвести на свет другие оплодотворенные яйцеклетки.

Когда я учился в средней школе, огромное впечатление на меня произвела книга по ботанике, где подробно описывалась редька. Меня обвиняли в том, что я воспринимаю себя так же, как воспринимаю редьку, и думаю, что это, видимо, так и есть. В первый год редька наращивает огромный мощный корень. На следующий выпускает побеги, дает цветы, а потом и семена. И наконец, все это скукоживается и усыхает, и, когда семена созревают, растение уже погибло. И сама редька, стало быть, — это всего лишь способ для ее семян произвести новые семена. И вот я утверждал, что это так же верно и в отношении поэта: поэт — это просто способ для литературы наплодить еще больше литературы. И в этом смысле с поэтом происходит что-то, какие-то вариации происходят в «генетике», и вот появляется нечто новое, но вовсе не благодаря самому поэту. Не он, а его персональная судьба, прочитанные им стихотворные сочинения, критика, которую получили его произведения, и прочее подобное — вот что несет ответственность за его творчество. И должны ли мы почитать его за это? Да, мы отдаем ему должное, потому что это способ, каким мы побуждаем людей делать те или иные вещи, но с научной точки зрения это незаслуженно. Если спросить, а что человек внес лично от себя, то, думаю, ответом будет: ничего.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ЧТО ТАКОЕ ВНУТРЕННЯЯ МОТИВАЦИЯ?

Для анализа эффекта наград нам, вероятно, вполне достаточно было бы определить внутреннюю мотивацию как желание взяться за какое-либо дело ради самого этого дела, иными словами, просто ради удовольствия, которое оно доставляет¹. Это определение отчетливо контрастирует с определением внешней мотивации, которая означает, что человек занимается делом в силу каких-то иных выгод, чем те, которые принесет ему само его выполнение. Однако если мы глубже вникнем в этот вопрос, все окажется куда более спорным и, во всяком случае, более интересным для кого-то из нас. Я хотел бы затронуть несколько вопросов, споров и сложностей, которые возникают, когда размышляешь о внутренней мотивации (ВМ).

Идея ВМ сама по себе противоречива в некоторых аспектах, поскольку неявно подтверждает, что дела, которыми занимаются люди, не всегда инициированы силами, внешними по отношению к их «я». При том что действием внешних сил можно объяснить часть нашего поведения, мы могли бы, и это даже необходимо, обратиться к иным мотивационным системам, которые фокусируются на нашей внутренней сфере.

Бихевиористы, что неудивительно, не проявили благосклонного внимания к дискуссиям на тему ВМ, поскольку ее исходная посылка бросает вызов самой основе их системы взглядов. На такие дискуссии бихевиористы реагируют или отрицанием ВМ, или же — что, в сущности, дает тот же результат — стараются втиснуть ее в свою систему координат. Если нечто выглядит как побуждение, идущее изнутри, то причина, как настаивают бихевиористы, всего лишь в том, что мы пока еще не вскрыли реальных (внешних) его причин. (Подробнее о реакции бихевиористов на критику см. в приложении В.)²

Если оставить эту полемику, то окажется довольно мало противоречий в среде сторонников серьезного отношения к концепции ВМ, которые, правда, еще не пришли к общему согласию относительно ее смысла. Для начала нам надо решить, определять ли ВМ от противного (в частности, как нечто движущее человеком, когда он что-то делает, не ожидая за это награды), в утвердительном ключе или и так и так. Первое определение, от противного, удобно для проведения экспериментов и применяется явно или неявно рядом исследователей: они регистрируют, насколько часто или насколько долго испытуемые занимаются какой-либо деятельностью, когда внешних выгод от ее исполнения не ожидается. Эта методика, как я объясню ниже, подняла ряд настораживающих вопросов.

Утвердительное определение ВМ, которому благоволят теоретики, открывает настоящий ящик Пандоры (чтобы не сказать ящик Скиннера) разнообразных сложностей. Главный вопрос, рассматриваем ли мы ВМ в разрезе желания заниматься конкретным делом или в разрезе определенных качеств, и шире — мотиваций, которые определяют человеческое существо. В последнем случае нас, естественно, интересовало бы, что же это за качества. В список номинантов включают желание «хорошего самоощущения»³, «настрой учиться и вырабатывать мастерство»⁴ и потребность в компетентности и самодетерминации⁵, равно как и, вероятно, желание связи с другими людьми и сопричастности им⁶.

Можно ли доказать, что любая из этих потребностей или все они врожденные или универсальные, и если да, то представляют ли они собой

самую фундаментальную мотивацию для человека, — это вопросы для совсем другого исследования. Что сейчас меня интересует, так это взаимосвязь каждого из этих качеств с темой внутренней мотивации. Эта связь в основном зависит от того, как мы ставим вопрос. Если нас интересует, что имеется в виду, когда говорят, что люди — это внутренне мотивированные организмы, или почему люди хотят делать столько разных вещей, нам бы принесла явную пользу попытка выявить некоторые главные побуждения или потребности. Но если все, что нам важно, — это понять, что означает, когда говорится, что люди (или определенный человек) внутренне мотивированы выполнять конкретную задачу, тогда будет достаточно в ответе отталкиваться от привлекательности этой задачи. Для этого нам, видимо, хватит определения, предложенного в начале текста, хотя оно не пытается постулировать даже базовую потребность людей испытывать на прочность свои силы.

Когда же определение ВМ выходит за пределы желания человека выполнять конкретное дело, у нас появляются другие проблемы. Одна из них в том, что более широкие цели человека, отнесенные к числу внутренних (как, например, изучать окружающий мир или самовыражаться), на деле могут мешать ему фокусироваться на конкретной задаче. Может случиться так, что мне придется выбирать между моей природной любознательностью и сосредоточенностью на работе, которую я в данный момент выполняю. Иными словами, два подхода к пониманию ВМ могут направлять нас в противоположные стороны⁷. Другая проблема в том, что иногда неясно, определяющая ли для ВМ эта характеристика или просто эмпирически связана с ней. Тут так: либо внутренне мотивированные люди автономны, либо автономия — это составная часть того смысла, который мы вкладываем в словосочетание *внутренне мотивированный*. Если мы пытаемся принять и то и другое, наш аргумент закольцовывается. Даже те, кто обстоятельно писал на тему ВМ, временами несколько недопонимают, предполагает ли ВМ вовлеченность в задачу по определению или ВМ (в какой-то иной дефиниции) усиливает вовлеченность в задачу. Наконец, нам следовало бы решить, встраивать ли в наше понимание ВМ ситуационные элементы. Вот

конкретный пример: люди часто теряют интерес к задаче, когда постоянно выполняют ее в течение длительного времени⁸. Означает ли это, что человек на самом деле не был по-настоящему внутренне мотивирован выполнять эту задачу? Или ВМ сама частично следствие новизны? Поскольку интерес — явление очень переменчивое, должны ли мы избегать привязки мотивационных свойств к деятельности? И как насчет привязки мотивации к действиям, если все зависит от обстоятельств?

Давайте отложим в сторону эти концептуальные проблемы и изучим очень практический вопрос: как измеряется ВМ применительно к конкретной задаче. Начиная с ранних экспериментов Деси, существуют в основном две методики: опрашивать людей, как они относятся к работе, которой занимаются, и наблюдать их поведение, чтобы выяснить, сколько времени они на нее тратят (в отсутствие внешней мотивации), когда у них есть выбор. Это два достаточно прямолинейных (что и привлекает) способа разобраться, что такое ВМ.

На самом деле обе методики не лишены недостатков. Способ, основанный на отзывах самих испытуемых, при всей своей неоспоримой полезности, заставляет задуматься, насколько точно люди описывают свое отношение (чувства) или, в ряде случаев, понимают ли они сами, что испытывают (что немедленно вызывает к жизни целый сонм философских вопросов). Преувеличивают ли объекты эксперимента удовольствие от того, что их просили сделать, по той причине, что это именно тот ответ, который, по их мнению, желает услышать экспериментатор? И поступают ли так чаще люди одного типа, чем другого, отчего возникает вероятность, что показатель ВМ на самом деле вообще измеряет нечто совсем другое?

Такой измеритель, как «свободный выбор», когда за людьми скрыто наблюдают, чтобы выяснить, возобновят ли они исследуемую деятельность, если не обязаны делать это, сопряжен с определенным кругом трудностей. Продолжительность или доля времени, потраченного на целевую задачу, может быть разной в зависимости от ряда факторов, определяемых особенностями ситуации и настроением человека, включая и такой

фактор, как степень привлекательности доступного альтернативного занятия. Исследователю необходимо знать, продолжите ли вы играть в эту игру, когда вас оставят наедине с ней минут на пять, или предпочтете почитать журнал. Но ответ на этот вопрос может в такой же мере отражать увлекательность журналов, имеющихся у вас под рукой, как и ваш интерес к игре⁹. Более того, в экспериментах, при которых подопытных не оставляют в одиночестве, они могут быть склонны продолжать играть отчасти из желания порадовать экспериментатора.

И словно для того, чтобы еще больше подчеркнуть, как рискованно полагаться что на одну из этих двух методик количественного измерения ВМ, что на обе, исследователи, как будто сговорившись, доказывают, что каждая из них указывает на что-то свое: корреляция между самоотчетом и измеренными поведенческими показателями зачастую ничтожна¹⁰. Этот факт навел Деси и Райана на размышления о том, что может означать ситуация, когда человек продолжает делать что-то при отсутствии внешних стимулов. Будет ли это само по себе надежным индикатором МВ? В итоге они решили, что, видимо, нет, и это заключение спровоцировало появление множества новых вопросов относительно мотивации.

Все мы знаем людей, которые безжалостно загоняют себя в попытке достичь еще и еще большего: их отношение к работе, сродни маниакальной одержимости, привело к возникновению специального термина — *трудоголик*. Что в нашем контексте интересно в этой всепоглощающей вовлеченности в задачу, так это что она никак не обусловлена ожиданием награды или наказания со стороны среды. У трудоголика настоящая потребность работать нагнетается изнутри, и тем не менее она лишена «неподдельного интереса, удовольствия и воодушевления, которые феноменологически* определяют внутреннюю мотивацию»¹¹.

* Феноменологическим называют чисто описательный метод, не претендующий на установление причинно-следственной связи. Феноменологический подход в науке предполагает, что создается теория для наблюдаемых явлений, а в действительности происходящие процессы более «низкого» уровня остаются в стороне (эти процессы могут быть просто неизвестны). *Прим. перев.*

Могло ли быть так, что это определение подходит к некоторым участникам эксперимента, которые сообщили, что работа их мало интересует, и тем не менее продолжали заниматься ею и в свое свободное время?

Райан и его коллеги взялись найти ответ на этот вопрос. Они сообщили нескольким участникам эксперимента, что задание, которое им сейчас дадут, раскроет уровень их интеллектуальных способностей. Других участников только общими словами подбодрили включиться в выполнение задания, так что у них не было ощущения, что на кон поставлено их самолюбие. Выяснилось, что самоотчеты участников первой группы расходятся с результатами наблюдения за их поведением на предмет интереса к работе (иными словами, то, как отозвались об этом сами испытуемые, не совпало с их фактическим поведением в части того, продолжали ли они работать над заданием, когда их предоставили самим себе). Если люди тревожились, выполняют ли они работу хоть сколько-нибудь хорошо, вероятность, что они продолжат заниматься этим, увеличивалась, предположительно, в большей мере ради «сохранения самоуважения», чем в силу того, что их внутренне мотивировало само задание. «Хотя поведение в ситуации свободного выбора становится отражением внутренней мотивации» в ситуации, когда людей побуждают просто попробовать некий вид деятельности,

«это в большей степени отражает внутренне контролируемую регуляцию в условиях, когда задействовано их эго», заключили Райан и его коллеги¹². *Внутренний* не всегда означает *неотъемлемый*.

Это заключение бросает прямой вызов психологическим теориям, которые различают только две возможности: то, что происходит внутри человека, и то, что снаружи. А нас это заставляет пересмотреть не только способ измерять ВМ, но и истинный смысл этого понятия. Это, в свою очередь, поднимает вопросы, как я предполагал в главе 12, достаточно ли нам просто добиваться, чтобы дети «интернализировали» нормы и ценности. В конце концов, ощущать внутренний контроль не намного приятнее, чем подвергаться внешнему.

Это последнее замечание напоминает нам, что ВМ при всей своей важности временами не слишком пригодна для того, что важно для нас как педагогов и родителей. Мы хотим, чтобы дети иногда отставляли в сторону личные нужды и делали что-то в интересах достаточно многочисленной группы людей, чтобы уважали права других, даже если это сопряжено с неудобством для них. Такое поведение нельзя считать аналогом, например, чтения, в отношении которого ребенок развивает или поддерживает внутренний интерес (хотя иногда это поведение и характеризуют как самоценное). В описании жизни американского школьного класса Филипп Джексон* отмечает, что «трудно представить, чтобы ученики когда-нибудь обнаружили какое-либо подобие внутреннего удовлетворения от молчания на уроках, когда их так и распирает желание поговорить». И это позволяет предположить, что «понятие внутренней мотивации начинает утрачивать часть своей силы»¹³ или, по крайней мере, применимость в неакадемических вопросах.

Однако если бы наши представления предполагали только два вида мотивации, внутреннюю и внешнюю, мы были бы склонны считать, что все, не подпадающее под определение первой, автоматически должно подпадать под определение второй. В практическом смысле это означало бы, что мы можем прибегать к внешней мотивации, чтобы побуждать детей поступать ответственно (сознательно). Но этот дихотомический взгляд упускает из виду возможность помогать им интернализировать приверженность такого рода поступкам, причем таким образом, чтобы дети увидели, что сами вольны выбирать направление своего саморазвития и в конечном счете могли бы сами решать, какими людьми им хочется стать¹⁴.

* Филипп Уэсли Джексон (1928–2015) — один из самых влиятельных мыслителей на темы природы образовательного процесса на самом фундаментальном его уровне. Ввел понятие «скрытый учебный план». Его книга *Life in Classrooms*, опубликованная в 1986 году, стала классическим исследованием образовательного процесса. (Издана на русском языке: Джексон Ф. Жизнь в классе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.) *Прим. перев.*

Необходимость ввести такое понятие, как интернализация, предполагает, что дихотомия внешняя/внутренняя дает далеко не исчерпывающее описание мотивации. Можно привести другие ситуации из реальной жизни, в которых не так-то просто классифицировать мотивацию как обязательно ту или другую. Например, возьмем ученого, чей главный мотив — внести вклад в свою научную область, или профсоюзного деятеля, заинтересованного прежде всего бороться с несправедливостью и помогать трудящимся его отрасли. Или представим ученика в классе, где обучение обычно устроено так, что дети работают группами: этому ребенку задание кажется невероятно увлекательным, но главным образом из-за удовольствия работать сообща с другими детьми.

Фигурирующие в этих примерах люди не стремятся к тому, что в обычном случае мы назвали бы внешними наградами, но при этом никак не скажешь, что их мотивируют сами по себе решаемые ими задачи. Ученому может и не доставлять большой радости лабораторная работа, профсоюзный функционер, вполне вероятно, не слишком вдохновляется перспективой постоянно делать звонки и посещать всевозможные собрания, а ученику может и не быть так уж по сердцу сама по себе математическая задачка.

Думаю, что причина наших затруднений с классификацией мотивов вышеупомянутых людей кроется в одном качестве внутренней мотивации, которое в значительной мере прошло мимо внимания психологов, — это понятие, которое существует только в контексте конкретной личности. Ученый, профсоюзный функционер и ученик мотивированы общественными интересами, а их не так-то просто втиснуть в нашу парадигму мотивации. Если бы нас принудили выбрать из двух имеющихся вариантов, мы бы сказали, что мотивы людей из наших примеров скорее внешние по отношению к их задачам, чем внутренние. Но сам факт, что мы должны приравнивать их поступки к погоне за деньгами или отметками, показывает нам ограниченность идеи ВМ. Она никогда не предполагала, что ее будут применять к чему-либо, что выходит за пределы нужд отдельных личностей. Именно этот аспект редко

рассматривается учеными практиками и теоретиками, что может говорить о широком распространении индивидуалистских рамок в психологии¹⁵.

С другой стороны, я не убежден, что мы должны отбивать у людей внутренний интерес к тому, чем они занимаются. Например, писатели, которые наслаждаются самим процессом творчества, необязательно всего лишь потворствуют своему желанию и остаются глухи к проблемам общества. А из того, что важно жить в мире и согласии с другими людьми, еще меньше следует, что мы должны поддерживать использование внешней мотивации. Мы зависим друг от друга в плане эмоциональной поддержки и отклика, но все это не должно принимать форму наград.

К опасениям, что ВМ становится центральным элементом существования некоторых людей, очень близка идея, что человек, внутренне мотивированный, захвачен только процессом, а результат для него роли не играет. Хочу заверить, что наше общество поощряет интерес к итоговому продукту, практическому результату. Чиксентмихайи считает, что это придает свежие силы, «когда опыт внутренне вознаграждает, [поскольку тогда] жизнь получает оправдание сейчас, в настоящем, вместо того чтобы оставаться в заложницах у гипотетических будущих побед»¹⁶. Однако тот же Чиксентмихайи, которого я цитировал в главе 10, напоминает, что «внутренние награды — не золотой стандарт, к которому все должны стремиться. Они не снимают с человека необходимости задаваться вопросом: „Каковы последствия этого конкретного занятия?“»¹⁷ Важно учитывать содержание нашей работы и то, насколько она значима, если оставить в стороне удовольствие, которое она может доставить.

Вопрос, в какой степени следует придавать важность процессу, а в какой — его результату, представляет собой тему, слишком обширную для нашей дискуссии. Я хочу прояснить более узкий момент: если мы поощряем внутреннюю ориентированность, то не угрожает ли это умалить интерес к продукту, то есть результату деятельности? Ответ зависит от того, отождествляем ли мы внутреннее с процессом, а внешнее с продуктом. Не уверен, что это приравнение обоснованно. Примером может служить

ученик, который любит работать сообща (кооперироваться) с другими. И наоборот, не исключено, что чисто внутренняя мотивация, например художника, в той же мере зависит от итогового продукта, в какой и от предшествующего ему акта творчества¹⁸. Удовлетворение от процесса отличается от удовлетворения от результата, но и то и другое вполне разумно классифицировать как явления внутренние. Последнее имеет гораздо больше сходства с первым, чем с занятием чем-то ради награды.

Здесь опять же всё, без сомнения, упирается в определение терминов. Я считаю, что совершенно не очевидно, что конкретно имеется в виду под словосочетанием *внутренняя мотивация*. То, что на первый взгляд представляется идеей очень простой, на поверку оказывается сплетением разнообразных возможностей, каждая из которых влечет за собой существенные последствия, чтобы мы противопоставляли их использованию наград.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

БИХЕВИОРИСТЫ ПРОТИВ

Вот уже более двух десятков лет публикуемые исследования поднимают вопросы, связанные с применением поощрений. Еще более длительное время высказываются мнения, основанные на личном опыте или нравственных соображениях. Всякому, кто знаком с такой литературой, было бы любопытно узнать, как эти аргументы воспринимают люди с многолетним профессиональным (а иногда и персональным) стажем приверженности к раздаче наград.

Если вы заглянете в современные учебники психологии, а также в статьи в журналах бихевиористской направленности или в практические руководства по модификации поведения, то вскоре обнаружите, что главная их реакция на все нападки — молчание. Даже Эдвард Деси и Марк Леппер — двое ученых, которые наиболее известны социальным психологам и психологам по развитию своими работами, где показаны во всей красе губительные эффекты поощрений, — попросту не цитируются бихевиористами в большинстве их трудов. Потому ли, что они не в курсе этого направления исследований, или находят сами работы не заслуживающими упоминания, а может, бихевиористам просто не с руки вступать в полемику, — сказать не могу, тут нет ясности.

Однако несколько авторов из лагеря бихевиористов взяли на заметку как минимум некоторые из вышеупомянутых научных исследований и обсуждали их в тональности, которая варьировала от искренней озабоченности выводами из этих трудов до откровенного презрения. Думаю, имеет смысл представить обзор аргументов, которые выдвигают бихевиористы в защиту своих взглядов. Хотя я не претендую на позицию исключительно объективную и незаинтересованную (еще бы, ведь я постараюсь ответить на каждый их пункт), не хочу, чтобы у вас возникло впечатление, будто любой, кто прочитал аргументы, аналогичные предложенным в этой книге, непременно найдет их убедительными. Читатели вправе сами составить суждение о достоинствах разнообразных утверждений, и, конечно, им очень поможет, если они ознакомятся с некоторыми источниками, откуда я выше приводил цитаты, а также с возражениями представителей стана бихевиористов¹.

Аргументы в пользу наград, а точнее против критики поощрений, подразделяются на четыре общие категории. Первая ставит под вопрос мотивы критики. Вторая утверждает, что награды необходимы или неизбежны. Третья доказывает, что поощрения дают эффект. И, наконец, четвертая категория: когда говорят, что награды безвредны.

КАКОВЫ МОТИВЫ КРИТИКОВ?

Во-первых, некоторые авторы-бихевиористы обвиняют критиков использования поощрений в том, что те действуют «по идеологическим мотивам»² или, когда дело касается авторов «большинства из... переваливших за сотню исследований» по теме, в том, что «все это только результат теоретизирования»³. Если под этим подразумевается, что работа противников поощрений инспирирована их ценностными установками, то это абсолютная правда — и в отношении сторонников наград это верно ничуть не в меньшей степени. Если подразумевается, что эмпирические исследования лучше всего проводить без опоры на теорию, то такое предположение весьма спорно, и это еще мягко сказано. А если имеется

в виду, что совершенно непредвзятый (гипотетический) наблюдатель, которого нисколько не занимают этические вопросы, а интересует только влияние поощрений на достижения или на непрерывную мотивацию, не обнаружит в научной литературе по этой теме ничего, что бы могло встревожить его, то такой вывод, на мой взгляд, просто за гранью какой бы то ни было логики. Его решительно опровергают многочисленные работы исследователей, которые ожидали обнаружить действенность наград, но убедились в прямо противоположном, равно как и работы, многократно воспроизведенные и показывающие, что при наличии внешней мотивации внутренняя мотивация ослабевает.

Во-вторых, по меньшей мере трое бихевиористов обвинили своих критиков в том, что те хотят, чтобы дети были внутренне мотивированы к учебе, тогда как у самих этих критиков (и у других взрослых) интерес к работе, как предполагается, «в огромной степени зависит от еженедельно получаемых зарплатных чеков»⁴. Утверждается, что это, по сути, «двойной стандарт»⁵, и здесь содержится намек, что противники внешних стимулов обучения предпринимают попытку отказать детям в том, чем сами не без удовольствия пользуются, или, возможно, что это попытка обмануть детей, заставляя изучать что-либо «только» потому, что это интересно.

Начать с того, что мнение, будто бы все взрослые мотивированы деньгами, похоже, более всего содержательно в том, что раскрывает кое-какие личностные особенности его обладателя. Как подсказывают свидетельства, приведенные в главе 7, это неверно в отношении большинства людей и уж тем более в отношении большинства ученых и исследователей. Но что ближе нам по теме, так это что бихевиористские стратегии для трудовой сферы чаще всего дают эффект, обратный желаемому, и этот факт следует иметь в виду, когда мы читаем, что «внешние поощрения якобы гаят риск только для академической работы школьников», и этим подразумевается, что раз награды так прекрасно срабатывают во всех других сферах, они должны быть очень эффективными и в школе, как же иначе⁶. Правильной реакцией на утверждение «Мы используем деньги

как пряник для взрослых, так почему бы точно так же не использовать отметки для детей?» будет поставить под вопрос первую посылку, а не соглашаться со второй.

Но даже если бы схемы платы за результаты труда действительно *давали* преимущество, это нисколько не оправдывало бы применения чего-либо подобного в отношении детей. Учебная деятельность серьезно отличается от трудовой (учиться читать — совсем не то, что выполнять рабочие обязанности), а ученики — это совсем не то, что работающие люди (относясь к детям как ко взрослым, мы упускаем из виду целый ряд возникающих в данном случае вопросов развития), да и наши цели в обоих случаях различны (мы ведь особенно заинтересованы, чтобы установки на обучение, которые мы развиваем в детях, были устойчивыми). Наконец, если взрослые люди в целом должны зарабатывать деньги, чтобы прожить, того же нельзя сказать об отметках и прочих факторах внешней мотивации, применяемых к школьникам: последнее не представляет насущной необходимости, а значит, не может быть уподоблено первому.

НАГРАДЫ НЕОБХОДИМЫ

Ученые-бихевиористы, как легко заметить, в особенности склонны утверждать, что без наград в области образования никак не обойтись, поскольку дети не станут делать всего полагающегося, чтобы получать знания, «в отсутствие своего рода поощрений, например похвал, отметок или признания»⁷. Или, как выражается другой автор, «если ученика просят сложить три и семь, то в чем будет заключаться для него внутренняя награда за правильный ответ?.. Учитель должен дополнять внутренние награды внешними поощрениями»⁸. (Утверждается, что это особенно верно в случае, когда «ребенку трудно дается учеба»⁹ или когда образовательная задача не вызывает живого интереса.)

Я уже отвечал на эти возражения в части, касающейся якобы нужды использовать награды, чтобы люди выполняли неинтересную работу

вообще (в главе 5), и в том, что касается применяемых допущений о побудительных мотивах детей учиться в частности (в главе 8). Доказательную базу для внешней мотивации строят на нескольких ложных дихотомиях: либо мы хвалим, либо храним суровое молчание¹⁰ (а о возможности предоставлять информативную обратную связь почему-то забывают), либо мы налево и направо раздаем подкрепления, либо просто заставляем учащихся механически заучивать материал в надежде, что от этого выполнение ими учебных заданий автоматически¹¹ улучшится (а в этом случае не учитывается огромное количество небихевиористских подходов к обучению).

Точно такое же лукавство проступает в отстаиваемой бихевиористами точке зрения, что отвлеченным математическим задачам можно придать больше увлекательности, фактически предлагая ученикам взятки за их решение: здесь кроется допущение, что именно так и следует преподавать математику, а оно пренебрегает образовательными традициями, которые принимают во внимание способ, каким каждый ребенок активно формирует смыслы и познает мир — вместо того чтобы рассматривать ребенка как пассивный объект, призванный реагировать на поступающие от среды стимулы (см. главу 11 и, в частности, соображения Дьюи по поводу преподавания такой темы, как числа). Существует масса способов преодолевать педагогические трудности, например внимательно исследовать и обдумать, что именно мы задаем детям, как это учить и вместе с кем. Соблазнять их пряником вовсе не обязательно для решения педагогических проблем. А точнее, это никакое не решение, а попытка уйти от проблемы.

НАГРАДЫ РАБОТАЮТ

Бихевиористы очень редко обращаются к исследованиям, показывающим, что при выполнении ряда задач, и в особенности требующих некоторой творческой изобретательности, эффективность действий исполнителей падает, если им за выполнение этих задач обещаны награды. Вместо

этого бихевиористы берут за основу более ранние лабораторные исследования, указывающие на увеличение числа актов оперантного поведения^{*} или на улучшение выполнения механических задач, и обычно просто утверждают, что награды работают, а в одном случае даже дошли до того, что заявили: «Никто не оспаривает эффективности [наград]»¹². Насколько я знаю, была только одна ответная реакция на исследование, показавшее, что поощрения подорвали выполнение детьми простой задачи: было заявлено, что, если бы наград давали больше, все обернулось бы совершенно иначе¹³. Что касается вывода, что программы модификации поведения редко ведут к устойчивым изменениям, которые могут сохраняться и в других обстоятельствах, то здесь обычный ответ бихевиористов заключается в том, что сделавшие такой вывод практики или исследователи неверно поняли принципы скиннеровской теории или некорректно применили их. В ряде случаев утверждается, что награды, использованные во время исследований, не имели настоящей подкрепляющей силы¹⁴. В других случаях бихевиористы заявляют, что если немного поколдовать с расписанием подкреплений или подправить непреднамеренные эффекты, вызванные другими аспектами среды, то возможно «запрограммировать [объект] на сохранение [желаемого поведения]». Остается только удивляться, сколько еще можно списывать отсутствие значимых научных результатов на то, что базовый подход, сам по себе прочный и неоспоримый, просто некорректно применяют, причем каждый раз.

НАГРАДЫ БЕЗВРЕДНЫ

Наконец, бихевиористы предпринимают попытки оспаривать различные аргументы о нежелательности поощрений. На обвинение, что популярный бихевиоризм носит контролирующий характер, выдвигается возражение, что, во-первых, вообще все везде контролируется, осознаём мы это или

^{*} Оперантное поведение — это активные действия, акции, которые направлены на достижение желаемой цели. *Прим. ред.*

нет, а во-вторых, что поведенческие технологии сами по себе нейтральны, поскольку их можно использовать и в ту, и в другую сторону (что снимает все упреки в их адрес). Эти аргументы я рассмотрел в главе 2.

На эмпирически подтвержденные доводы, что применение факторов внешней мотивации ведет к снижению внутренней мотивации, некоторые бихевиористы отвечают, что масса людей продолжает успешно заниматься своим делом даже при том, что их за это вознаграждают, и это доказывает, что поощрения не всегда подрывают интерес к делу. «Выдающиеся достижения всегда приносят внешние награды некоторого рода... [и тогда как] выдающиеся деятели поддерживают свою мотивацию?»¹⁵

Если по сути, то обе части этого утверждения вызывают вопросы. Природа и степень внешней награды, которую всегда приносит достижение, на деле могут быть самыми разными. Плата за работу — далеко не то же самое, что зависимость оплаты труда от достигнутого. Неожиданное признание постфактум — совсем не то же, что обещание награды за хорошо выполненную работу. В обоих противопоставлениях последний вариант предполагает конкретное поощрение, которое, по всей вероятности, воспринимается как контроль и подчеркивает, что здесь задействована контингенция цели-средства (обусловленность последствия, то есть награды, результатом работы), и в этом случае мы несомненно вправе ожидать, что внутренняя мотивация пойдет на спад. Когда поощрения (а особенно деньги, которые могут и вообще не восприниматься как награда за достижение) менее значимы и их возможно «отвязать» от выполняемой работы, у нас нет оснований прогнозировать снижение мотивации. А то, что в этом случае снижения мотивации не происходит, не аргумент, опровергающий общий принцип.

Вторая часть утверждения предполагает, что упорное занятие каким-либо делом подразумевает наличие у субъекта внутренней мотивации для этого. Как я попытался объяснить в приложении Б, такое предположение несправедливо. Многие люди продолжают заниматься каким-либо делом и даже вполне компетентно, но не находят в нем никакого для себя удовольствия. Может быть, они занимаются этим только потому,

что по-прежнему получают внешнюю мотивацию, и продолжают работать, пока это положение вещей сохраняется. Другой вариант — они могут так сильно усердствовать из настоящей, необоримой потребности показать, на что способны. Этого последнего должно быть достаточно, чтобы работа выполнялась, но жить так — удовольствие сомнительное, и совсем не то, чего мы желали бы для наших детей, а кроме того, это никак не свидетельствует, что поощрения не оказывают пагубного влияния на внутреннюю мотивацию. После всего сказанного я все же не думаю, что это возражение можно полностью отместить. Некоторые люди бесспорно сохраняют внутренний интерес к своему делу, невзирая на попытки при помощи стимулов контролировать уровень исполнения или вовлеченность. Стоит вспомнить, что психологические принципы не действуют механистически, как не действуют всегда и везде единообразно. Если некоторые люди способны на протяжении многих лет ежедневно выкуривать по две пачки сигарет и при этом не жаловаться на здоровье, то непременно найдутся и способные стойко переносить внешнюю мотивацию и при этом сохранять внутренний интерес к работе. Бывает. Но если речь о том, как обращаться со школьниками, сотрудниками или кем-то еще, то нам следует учитывать разные вероятности. Я убежден, что мы обязаны избегать действий, имеющих высокую вероятность отрицательно повлиять на внутреннюю мотивацию.

На аргумент о влиянии награды на мотивацию бихевиористы еще иногда отвечают тем, что пытаются несколькими разными способами придаться к точности формулировки самого аргумента. В главе 5 я рассмотрел три таких способа: утверждать, что эффект возникает, только когда поощрения обусловлены задачей, а не уровнем ее выполнения; утверждать, что эффект может сглаживаться, когда людям дана возможность самим распоряжаться в вопросе награждения; утверждать, что эффект возникает, только когда поощрения используют длительное время вместо того, чтобы в какой-то момент отменить их. (Как ни нелепо, а некоторые бихевиористы говорят также, что исследования, показывающие пагубное воздействие поощрений, некорректны,

поскольку их объекты не получали наград в течение достаточно длительного периода.)

В дополнение к этому выдвигается еще пять возражений против результатов упомянутых исследований.

1. Влияние на мотивацию, как говорят иногда, «кратковременно и ограничено»¹⁶. На этот счет см. примечание 13 к главе 5 или зайдите в любую среднюю школу и послушайте, как ученики, чтобы уяснить, стоит ли тратить силы на заучивание того или иного материала, осведомляются, будет ли он включен в контрольную работу.
2. Некоторые говорят, что потенциально разрушительны только материальные награды, как, например, деньги, игрушки или лакомства, тогда как символические награды, вроде золотых звезд или знаков отличия за хорошую учебу, как утверждают бихевиористы, не только более «естественны» и просты в плане присвоения, но еще и почти по определению безвредны. Подчеркивая, что грамота, которой детей наградили за слаженную работу в команде, стоит недорого, один исследователь утверждает, что это всего лишь показывает учащимся, что «учитель гордится ими и доволен их совместными усилиями. И что в этом ужасного?»¹⁷

Отвечу на это так: хотя одно исследование и правда установило, что символические награды причиняют меньше вреда внутренней мотивации маленьких детей, чем материальные поощрения¹⁸, немалое число исследований доказало, что есть основания считать, что внутренний интерес подрывают оба типа наград. В конце концов, вредность внешней мотивации обусловлена не его меновой стоимостью или практической пользой, а статусом внешнего стимула (см. главу 5). А этот фактор сохраняет свою силу в той же мере, когда мы поощряем кого-либо знаком отличия, как и когда мы даем награду в виде пиццы или кучи денег.

Обсуждая это, есть смысл помнить, что если бихевиористы отступают на рубежи символических наград перед лицом

неопровержимых доказательств, что материальные поощрения особенно деструктивны (или если выясняется, что применять их долгое время непрактично), то это, вероятно, объясняется тем, что основы их теории внушают им, что лучшее, на что можно рассчитывать, — это замена одного типа подкрепления другим, а исходная посылка здесь заключается в том, что какая-либо форма контроля необходима всегда¹⁹. Тем из нас, кто отвергает эту посылку, нет нужды стараться спасти одну из разновидностей наград, настаивая, что она менее разрушительна, чем другие.

3. Бихевиористы часто отвергают возможность того, что применение наград таит угрозу внутренней мотивации, по той причине, что они отвергают само существование внутренней мотивации. Те из их числа, кто более склонен к доктринерству, доказывают, что словосочетание «внутренняя мотивация» следует брать в кавычки, чтобы сразу было видно, что это понятие само по себе вызывает сомнения. Для них аксиома, что всякое поведение зависит от обстоятельств окружающей среды, и это должно означать, что для феномена, который принимается за внутреннюю мотивацию, просто еще не вскрыты соответствующие внешние подкрепления.

Один автор настаивает, что «на самом деле об этой форме „внутренней“ мотивации известно очень мало и главным образом потому, что ее трудно охарактеризовать»²⁰, имея в виду, что суть внутренней мотивации трудно понять, будучи зажатым в концептуальных рамках бихевиоризма. Кое-кто пытается затолкать ее в эти рамки, переиначивая определение внутренней мотивации на такое: «Простая форма условного подкрепления, когда стимулы, ассоциирующиеся с задачей, увязаны с одобрением, похвалой или какой-либо другой формой подкрепления», — или утверждая, что это поведение, которое «контролируется случайными внешними наградами»²¹.

В этот момент становится ясно, что перед нами неопровержимая догма: если ученый вступает в полемику в твердой уверенности,

что «все поведение в конечном счете инициируется внешней средой»²², то сколько аргументов и данных ни приводи, все равно этого будет недостаточно, чтобы продемонстрировать ему существование подлинно внутренней мотивации. (Обратите внимание: это совсем не то же самое, что утверждать, что на практике не всегда просто разделить внутреннюю мотивацию и внешнюю — с этим можно охотно согласиться. Однако нельзя отрицать эффекта, который конкретный пример внутренней мотивации может произвести на конкретный пример внешней.)

4. Некоторые бихевиористы весьма специфически критикуют исследования, посвященные влиянию поощрений на мотивацию. К спорным вопросам, по их мнению, относятся: обоснованность сравнения одной группы испытуемых с другой, чему они противопоставляют мониторинг мотивации индивидуально каждого испытуемого, степень, в которой известен первоначальный интерес объекта к задаче, различие между эффектом от заранее обещанной награды и той, что дается²³. Читателю придется самому оценить вескость этой критики, я же отмечу только, что на протяжении более двух десятков лет результаты, полученные в самых разных экспериментальных условиях, раз за разом неизменно подтверждали базовый вывод о характере влияния поощрений на мотивацию.
5. Наконец, бихевиористы и своими силами провели ряд исследований, исходя из той гипотезы, что внешняя мотивация не окажет какого-либо отрицательного эффекта, и получили именно такой результат. (Примечательно, что кое-кто из тех же самых теоретиков, которые оспаривали существование внутренней мотивации, вознамерились показать, что присуждение наград не подорвет ее.) Я нашел четыре таких исследования, где испытуемыми выступали дети, но доверять этим исследованиям трудно, поскольку количество участников составило пять, шесть, девять и три ребенка²⁴. Больше, что мне удалось выяснить, — это что пагубного эффекта наград на взрослых испытуемых (студентов вузов) не смогли

выявить только два исследования, в одном из которых участвовали всего три человека²⁵. К условиям экспериментов, которые проводились в рамках этих исследований, можно предъявить и другие претензии²⁶, но факт, что в силу одной только вероятности (без учета прочих факторов) можно предположить, что некоторые из очень большого числа исследований могут и не подтвердить даже очень прочный и обоснованный вывод. Думаю, что если рассматривать весь свод исследований в целости, то человеку широко мыслящему будет очень трудно отрицать, что, обещая людям поощрения, мы рискуем снизить их неподдельный интерес к тому делу, за выполнение которого их вознаграждают.

Очень мало споров в области социологии могут быть раз и навсегда разрешены к согласию и удовольствию всех, кто ломал в них копыя. Несмотря на более чем сотню опубликованных исследований, остаются разногласия по поводу определения ключевых терминов и того, что считать решающими доказательствами. Мало кто из бихевиористов прочитает эту книгу или любую другую, которая оспаривает применение наград (и парадигму, которая толкает людей на их применение), и объявит, что пришло время поискать новые направления исследований. Также я не уверен, что большинство педагогов, родителей или руководителей, привыкших говорить «Сделай так — и получишь вот это», вдруг решат, что пора отойти от этой практики. И все же я надеюсь, что даже тот читатель, который не примет всех приведенных здесь аргументов или усомнится в смысле и значении тех или иных процитированных мною исследований, сможет тем не менее решить, что этих свидетельств достаточно, чтобы поставить под сомнение набор взглядов и привычек, которые каждый день глубоко влияют на наши жизни.